

УДК 347.132

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ НА СТРАЖЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

С.С. Желонкин*

Аннотация. Рассматриваются отдельные гражданско-правовые инструменты в борьбе с коррупцией. Делается вывод, что именно институт недействительности сделки, закрепленный в Гражданском кодексе РФ, находится в той степени урегулированности, которая не требует введения дополнительных норм об уточнении субъекта, в отношении которого могут быть применены указанные выше нормы. Данный институт может быть пригоден для борьбы с последствиями коррупционных правонарушений в современном, неизменном состоянии, а правовые последствия недействительности ничтожных сделок являются полноценным механизмом возврата, полученного по коррупционному правонарушению.

Ключевые слова: коррупция, недействительность сделок, гражданско-правовая ответственность, государственная функция, механизм правового регулирования.

CIVIL LEGAL INSTITUTIONS ON GUARD AGAINST CORRUPTION

S.S. Zhelonkin

Abstract. The article deals with some civil law tools in the fight against corruption. The author concludes that this institute of invalidity of the transaction as set forth in the Civil Code is to the extent of settlement that does not require the introduction of additional regulations to clarify the subject, in respect of which can be applied the above rules. This institution may be suitable for dealing with the consequences of corruption offenses in the modern, unmodified state, and the legal consequences of invalidity of void transactions are a good mechanism for the return obtained by the corruption offenses.

Keywords: corruption, the invalidity of transactions, civil liability, state function, mechanism of legal regulation.

Научная специальность 12.00.03 — Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Коррупция — универсальное явление. Сегодня она стала одной из приоритетных тем обсуждения во всех странах мира. С криминологической точки зрения представляется очевидным тот факт, что коррупция, как и преступность в целом, пустила свои корни в общественной жизни, по сути, с самого начала существования человеческой цивилизации. На различных этапах истории человечества менялись формы коррупции, но ее сущность была и остается неизменной.

Необходимо признать, что в настоящее время антикоррупционная деятельность правоохранительных органов России, осуществляемая главным образом в традиционных рамках уголовного судопроизводства, —

малоэффективна. Об этом свидетельствует явное несоответствие между количеством выносимых обвинительных приговоров и реальной распространенности коррупции в органах власти. Между тем, большая часть коррупционных правонарушений совершается с использованием норм гражданского права.

По мнению Президента РФ к решению проблемы коррупции необходимо подходить системно. Поэтому комплексный подход с использованием правовых средств разных отраслей права в борьбе с коррупцией является основой концепции Национального плана противодействия коррупции. Идея использования в борьбе с коррупцией правовых средств различных отраслей права

заслуживает поддержки и практической реализации. Ведь, как правильно отмечал С.С. Алексеев «именно сила права раскрывает его ценность, действенность образующих его правовых средств, заложенную в них социальную энергию, и его возможности в решении возникающих в обществе задач» [1, с. 169].

Одну из важнейших ролей в противодействии коррупции призвано играть гражданское право, а научная разработка гражданско-правовых аспектов предупреждения коррупционной преступности является одним из приоритетных направлений научных исследований. Так, в Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 гг., утвержденном Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226, закреплено проведение на базе федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» научных междисциплинарных исследований на основе законодательства Российской Федерации и практики его применения по вопросам, связанным с формированием системы мер имущественной ответственности за коррупционные правонарушения.

Законодательной реализацией подобных разработок можно считать норму, содержащуюся в ст. 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающую наряду с уголовной, административной и дисциплинарной ответственностью — гражданско-правовую, за совершение коррупционных правонарушений. Имущественный характер присущ именно гражданско-правовой ответственности. Данная норма является новеллой российского законодательства, ориентирующей правоохранительные органы на необходимость применения в борьбе с коррупцией не только уголовно-правовых средств, но и средств других отраслей права.

Однако, первую попытку установить в России законодательным путем ответственность за коррупционные правонарушения вне формата уголовной юстиции следует отнести к 1995 г. В то время был подготовлен ФЗ «О борьбе с организованной преступностью», содержащий в себе ряд норм, предусматривающих гражданско-правовую ответственность в виде обращения в доход государства имущества, полученного в результате преступной деятельности. Например, непредставление доказательств, подтверждающих законный характер происхождения имущества, влекло его изъятие и обращение в доход государства по решению суда. Однако этот закон был отклонен прежним Президентом России Б.Н. Ельциным по мотивам якобы противоречия Конституции РФ.

Схожие нормы содержались и в Федеральном законе «О борьбе с коррупцией», который был принят в том же

1995 г. Государственной думой, одобрен Советом Федерации, но отклонен Президентом России. В ст. 15 этого так и не вступившего в силу закона указывалось, что «...во всех случаях необоснованного обогащения в результате коррупционных правонарушений лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, или лиц, приравненных к ним, незаконно полученное имущество подлежит обращению, а стоимость незаконно предоставленных услуг — взысканию в доход государства. В случае если лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций, или лицо, приравненное к нему, отказывается добровольно сдать незаконно полученное имущество либо оплатить государству его стоимость или стоимость незаконно предоставленных услуг, это имущество или соответствующая стоимость подлежат взысканию судом в доход государства по иску прокурора, налоговой службы, органов Министерства финансов либо других органов и должностных лиц, уполномоченных на то законом» [2, с. 305].

На сегодняшний день Россия не является участником Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Несмотря на это, практически все ее положения уже в том или ином виде предусмотрены национальным законодательством, т.е. она не содержит новелл для российской правовой системы в отличие, например, от Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию или Конвенции ООН против коррупции.

В связи с этим определенный интерес представляет анализ гражданского законодательства России на предмет соответствия нормам Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию требует закрепить в национальном законодательстве положения о недействительности сделок, связанных с коррупционными преступлениями, являющиеся эффективным средством правовой защиты, позволяющие лицам, понесшим ущерб в результате актов коррупции, защищать свои права и интересы. Так, в п. 1 ст. 8 Конвенции указано, что каждая сторона предусматривает в своем внутреннем праве, что любой контракт или положение контракта, предусматривающие совершение акта коррупции, являются недействительными и не имеющими юридической силы.

Анализ отдельных положений Гражданского кодекса РФ, касающихся недействительности сделок, позволят сделать вывод о наличии схожих положений в российском гражданском законодательстве. Например, ст. 166 «Оспоримые и ничтожные сделки», ст. 168 «Сделки, нарушающие требования закона», ст. 169 «Сделки, противные основам правопорядка или нравственности»,

ст. 170 «Мнимые и притворные сделки» Гражданского кодекса РФ [3, с. 38—48].

В этой связи интересным представляется следующий пример. Постановлением Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 12 марта 2013 г. № 14182/12 по иску военного прокурора Западного военного округа (ЗВО) признана недействительной сделка между Минобороны РФ и ООО «Трансстрой» о реализации береговой полосы (ковша Галерного фарватера — в самом центре морской береговой линии Петербурга на Васильевском острове).

Прокуратура установила, что два земельных участка вдоль Финского залива общей площадью 11 278 кв. м, вопреки прямому запрету в законе на продажу и приватизацию, были проданы за 525 млн руб. ООО «Трансстрой», которое вскоре перепродало его строительной компании ООО «Новый дом» более чем за 600 млн руб.

Часть земельного участка, проданного по договору от 17 сентября 2010 г., является береговой полосой водного объекта — ковша Галерного фарватера р. Большая Нева, приватизация которой, в соответствии с п. 8 ст. 27 Земельного кодекса РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», запрещена.

Правоохранители решили вернуть участок в собственность государства. Незаконный приказ экс-министра обороны Анатолия Сердюкова был отменен арбитражным судом в апреле 2012 г. по иску военного прокурора ЗВО. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы вернуть саму береговую полосу.

Для признания недействительности самой сделки по продаже земли, военный прокурор вновь обратился с иском заявлением в арбитраж Санкт-Петербурга и Ленинградской области, который в удовлетворении иска отказал. Тринадцатым арбитражным апелляционным судом и Федеральным арбитражным судом Северо-Западного округа решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

Президиум Высшего арбитражного суда принял иное решение. Он удовлетворил иск военного прокурора и признал сделку недействительной. Материалы в отно-

шении должностных лиц Минобороны России в порядке ст. 37 УПК РФ направлены в Главное военное следственное управление.

Кроме этого, в январе 2013 г. арбитражным судом Санкт-Петербурга удовлетворен иск Росимущества, инициированный военной прокуратурой, об истребовании береговой полосы из незаконного владения коммерческой организации.

Таким образом, основой для применения правил, позволяющих восстановить нарушенное имущественное положение коррупционным правонарушением, является институт недействительности сделки, имеющийся в современном гражданском законодательстве России.

Именно институт недействительности сделки, закрепленный в Гражданском кодексе РФ, находится в той степени урегулированности, которая не требует введения дополнительных норм об уточнении субъекта, в отношении которого могут быть применены указанные выше нормы. В этой части данный институт может быть пригоден для борьбы с последствиями коррупционных правонарушений в современном, неизменном состоянии, в отличие, например, от кондикционных обязательств (обязательств из неосновательного обогащения), правила которых надо дополнительно распространять на субъектов коррупционных правонарушений.

Механизм правового регулирования таких сделок и их последствий в большей степени отвечает особенностям коррупционных правоотношений [4, с. 39—42]. В подобного рода сделках, как правило, нет лиц, заинтересованных в их раскрытии, поэтому общее правило о возможности заявить иск о признании антисоциальной (коррупционной) сделки недействительной и применении последствий ее недействительности любым заинтересованным лицом, предусмотренное российским законодательством, является единственной гражданско-процессуальной возможностью оспорить правовые последствия коррупционной сделки [5].

Закрепленные в Гражданском кодексе РФ правовые последствия недействительности ничтожных сделок являются полноценным механизмом возврата, полученного по коррупционному правонарушению.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.
2. Коррупция и борьба с ней / Под ред. В.В. Астанина, А.И. Долговой, Н.Н. Даниленко и др. М., 2000.
3. Желонкин С.С. О противоправности и неправомерности действия образующего состав недействительной сделки // Мир экономики и права. 2009. № 1.
4. Желонкин С.С. Антисоциальные сделки, нарушающие основы правопорядка и нравственности, в системе недействительных сделок // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2009. № 1 (16).
5. Желонкин С.С. Место недействительных сделок в системе юридических фактов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1.